

ВЛАСТЬ И ЯЗЫК: ТЕОРИЯ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Введение

Онтология социального мира, теория формирования социальных институтов и фактов и институциональная эволюция – одно из наиболее популярных направлений исследований в современной социальной философии. Проблема власти и ее роли в создании человеческого общества и цивилизации всегда тревожила умы великих мыслителей. Не менее острый интерес вызывала и проблема взаимосвязи власти и языка, а также языковые формы манипулирования человеческими массами. В данной статье мы постараемся сделать анализ институциональной эволюции социального мира в контексте взаимосвязи власти и языка.

Особую популярность тема институциональной эволюции приобрела в конце 20 века. Это отразилось в виде частого использования в научных текстах, аналитических и политических программах таких словосочетаний, как «институциональные реформы», «выращивание» или «трансплантация» институтов, «институциональные ловушки» и даже «институциональное проектирование». Однако современная институциональная теория весьма неоднородна и содержит различные подходы к анализу проблем создания социальной действительности.

Одна из интереснейших теорий представлена Дж.Р. Серлем – одним из наиболее авторитетных представителей современной аналитической философии. Идеи Серла получили известность в социальной теории после выхода в свет его книги «Конструирование социальной реальности» [1]. Позже была опубликована работа «Создавая социальный мир» [2], в которой были доработаны идеи относительно социальной онтологии, представленной в «Конструировании социальной реальности». В его концепции институтов знакомые понятия получают довольно оригинальную трактовку. В лучших традициях аналитической философии Серль довольно просто на первый взгляд и однозначно дает описание социальной реальности, но с приведенными им доводами очень сложно не согласиться или опровергнуть их. Важнейшую роль в его анализе играет язык как наиболее фундаментальный социальный феномен. Вводя новую терминологию, Серл показывает, как анализ роли язы-

ка в создании и функционировании институтов помогает объяснить наличие и характерные особенности «институциональных фактов» – основного элемента институциональной реальности.

Критикуя философские традиции касательно терминологических установок и ошибочности понимания некоторых явлений с позиции привычных и неправильных по своей сути терминов, Серль предлагает пересмотреть философский терминологический словарь в части понимания того, что такое социальная реальность, что есть объективность и субъективность в онтологическом и эпистемологическом значении. При этом он предлагает совершенно отказаться от традиционного дуалистического подхода рассмотрения тех или иных явлений, особенно в части описания сознания и редуцируемыми им интенциями, языком и т.д. Вместо этого Серль предлагает ввести понятие биологического натурализма, с позиций которого нет необходимости деления вещей на материальные и идеальные субстанции [1, с. 11].

Активные дискуссии по данному вопросу – по проблеме социальной онтологии – показывают, что проблема остается все еще не решенной. Нам предстоит исследовать этот вопрос еще более тщательно, и, в особенности, потому что правильный и результативный анализ данной проблемы и сегодняшние технологии по обработке больших данных массовой коммуникации могут нам дать возможность не только избежать излишних и опасных конфликтов, но и разработать эффективные методы налаживания деятельности различных социальных институтов и их взаимодействия.

Основная часть

Так что же из себя представляют социальные институты? Какова их онтология, каковы способы существования социальной реальности? Как проследить за эволюцией человеческого общества? И какую роль в формировании и развитии социальных институтов играют такие явления, как власть и язык? И может ли вообще существовать «институциональная эволюция»? Эволюционируют ли феномены власти и языка, и как можно проследить за этим процессом в свете развития общества и человеческой цивилизации?

В этой части хотелось бы отметить, что Серль дает две методологические рекомендации тем, кто занимается вопросами исследования

теории институтов. Первое – поскольку институциональная онтология субъективна, считает Серль, ее всегда следует изучать от первого лица. Институциональные факты существуют только с точки зрения их участников, и поэтому внешние функционалистские или бихевиористские методы для их анализа неадекватны. Следует самому мысленно вжиться в институт, чтобы понять его. Вторая рекомендация заключается в том, что следствием такого анализа является то, что общество обладает логической структурой. Данная характеристика отличает социальные явления от других грубых или онтологически объективных явлений природы. Теории о природных, онтологически объективных явлениях имеют логическую структуру, но сама природа – нет. Однако общество отчасти состоит из представлений, репрезентаций, а эти репрезентации обладают логическими структурами, и любая теория, в которой рассматриваются такие феномены, должна содержать логический анализ их структур [3, с. 22].

Задаваясь вопросом «Что такое институт?», Джон Серль отмечает: «Можно было бы подумать, что на данный вопрос уже давно был дан ответ, причем не только экономистами, но и многими представителями социальной теории, занимавшимися онтологией общества. Я имею в виду не только таких важнейших мыслителей, как Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель и Альфред Шюц, но и всю западно-европейскую традицию обсуждения политических и социальных институтов, которая восходит по крайней мере к Аристотелевой «Политике». Может возникнуть мысль, что на сегодняшний день мы имеем четкую и разработанную теорию институтов. Однако одной из причин неадекватности упомянутой традиции является то, что авторы, начиная с Аристотеля, обычно принимают язык как само собой разумеющееся. Они используют язык в качестве исходной предпосылки, а затем спрашивают, как возможны человеческие институты, каковы их природа и функции. Но очевидно, что если вы предполагаете язык, то предполагаются и институты. Удивительно, но, скажем, теоретики общественного договора считают естественным наличие у людей языка и изучают то, как эти люди вступают в общественный договор. Между тем в теории речевых актов уже предполагается, что если у вас есть сообщество людей, которые говорят друг с другом, осуществляя речевые акты, это и есть общественный договор» [3].

Серль уверен, что не следует анализировать институты, предполагая язык заданным, а исследовать роль языка в учреждении институтов.

Для этого надо рассматривать язык как фундаментальный социальный институт. Таким же фундаментальным социальным институтом является и власть, на которой основываются всякого рода сообщества, в том числе и человеческое общество. Если не принимать язык как данность с целью увидеть логическую структуру других социальных институтов составляющих социальную реальность, Серль предлагает понять, в каком смысле язык является фундаментальным социальным институтом. Если взять во внимание, что язык не только редуцируется сознанием, но и является инструментом и главным способом его деятельности, то множества разработанных до этого времени теорий четко доказывают нам, что язык сам по себе фундаментален в весьма конкретном отношении: язык может существовать без всякого рода социальных институтов и фактов вроде государства или денег, но эти социальные явления, как государство, деньги, всяческие социальные статусы, невозможно представить без института языка. Но установить и описать эту конститутивную роль языка в создании всех социальных институтов непросто. Какие доводы нужно привести, чтобы доказать, что язык формирует социальные институты?

Что вообще онтологически представляет собой социальный институт? Институт – это, по сути, сумма наложенных на него статусных функций. «Общий вид статусных функций состоит в том, что мы наделяем статусом, а вместе с ним и функцией, нечто, что не может выполнять эту функцию лишь благодаря своим физическим свойствам. При этом оно может действовать, только если ему приписана статусная функция, и здесь его отличие от других инструментов», – отмечает Серль [2, с. 7]. Социальные факты, и социальные институты в том числе, существуют только благодаря «наличию коллективного представления о предмете как обладающем тем статусом, который несет данную функцию. Статусная функция должна быть представлена в качестве существующей, чтобы вообще существовать, а язык или символика определенного рода используются как средства такого представления» [2, с. 13].

Данные явления – социальные институты не всегда имеют четких физических свойств. И даже если имеют какие-то физические свойства в виде, к примеру, здания университета, то сами по себе эти чисто физические свойства данного

здания не могут дать вам ни малейшего представления о том, какую функцию предписано выполнять университету как социальному институту. Чисто физические, онтологически объективные характеристики вещей не несут в себе эпистемологической составляющей, определяющей статусную функцию данного предмета. В социальном мире факты и объекты, предметы и явления существуют в виде представления этого предмета в соответствии с наложенной на него статусной функцией, которая репрезентирует его социальную, смысловую сущность. Значит, необходимо представление. Но представление невозможно без средства представления, без способа выражения этого представления, или даже без средства осмысления его. Данным средством представления является символика или язык с самым широким смысле этого слова.

Язык и является, по сути, единственной такой формой, в которой грубые физические факты мира могут быть соотнесены с фактами коллективного сознания и сознания вообще, поскольку язык и сознание тождественны по своей логической структуре. Другими словами, на том основании, что в речевых актах презентуется логическая структура состояний сознания, Серль делает вывод, что эти же речевые действия способны репрезентировать отношение грубых фактов и фактов коллективного сознания значимым для этого сознания образом. Обратим внимание, что в своей работе, посвящённой социальной реальности, в отличие от работы под названием «Интенциональность», Серль, вводя понятие коллективной интенциональности, тем самым приписывает сознанию статус особой фактичности, а именно фактичности институциональной реальности коллективного сознания, но при этом продолжает настаивать на логическом тождестве языка и сознания [4].

Без представления, а значит, без языка не бывает статусной функции. Серль утверждает, что отсутствие языка обрекает животных на невозможность иметь институциональную реальность. Несмотря на наличие иерархических отношений внутри стада или других форм сообществ. Однако осознание статусной функции и признание институциональной реальности требует от нас умения мыслить на двух различных уровнях одновременно. Мы должны уметь видеть физические предметы или явления в виде, к примеру, перемещений, и одновременно соотносить эти предметы или явления с символическим представлением и осознанием статусной функции. То есть у нас должны одновременно

действовать два уровня мышления: физическое, каким обладают и животные, и институциональное. Способность мыслить на различных уровнях встраивается в реальные когнитивные процессы нашего восприятия. Но когнитивная способность видеть такие вещи требует наличия лингвистической или символической способности, иначе говоря способности к языку. Подводя итоги, напрашивается простой вывод: нет языка – нет статусной функции; нет статусной функции – нет институциональной деонтологии [3, с. 28].

Перемещение от грубого к институциональному состоянию – само по себе лингвистическое перемещение, потому что X термин теперь отображает в символической форме что-то вне себя. Но это символическое перемещение требует мыслительного процесса. Чтобы обладать мыслью, которая создает перемещение от X термина до Y статуса, должен быть носитель мысли, обладающий сознанием. Нам нужно что-то для мышления. Физические особенности X термина недостаточны для содержания мысли, но любой объект, который может конвенционально использоваться, как носитель этого содержания может использоваться для создания мыслей. Лучше всего подходят для этого слова, потому что они для этого и предназначены. Но, строго говоря, любой стандартный маркер будет делать это. Просто думать в словах, но гораздо труднее думать в людях, горах, и т.д., потому что они имеют слишком много лишних свойств и они слишком непредставимы. Мы используем реальные слова, но можем использовать и словоподобные маркеры как носители мысли. К примеру, дорожные знаки, знаки компьютерных программ, крайне популярные в последнее десятилетие смайлики и прочее. Для создания институциональных фактов социальной реальности язык эпистемологически необходим. В структуре институциональных фактов мы налагаем Y статус-функцию на X термин, который не выполняет ее исключительно благодаря его физической конституции. Это довольно сложный процесс – создание факта, несущего онтологическую субъективность, и в то же время обладающего вполне реальной в контексте социальной реальности – эпистемологической объективностью. Мы не можем вывести функцию или статус из физических свойств, когда дело касается, к примеру, денег, университетов, профессоров и игры в шахматы. Чтобы мы могли рассматривать бумагу как деньги, например, мы должны иметь некоторый лингвистический или символический

путь представления созданных фактов относительно функций, потому что они не выводятся непосредственно из физических свойств объектов. Проще говоря, распознавание факта, что это деньги, требует, чтобы он был лингвистически или символически представлен [5].

Вне языка невозможны, с точки зрения Серля, ни общезначимая мысль, ни совместное действие. Можно сказать, что здесь в теорию Серля проникает осязаемый дух кантовской мысли, обнаруживающей необходимость как закон координации двух случайностей. В данном случае случайно коллективное сознание, взятое само по себе (так сказать, онтологически). Также случайны грубые факты нашего мира, их физический масштаб и размерность, но необходимым является взаимосвязь того и другого в институциональной реальности человеческой жизни, и способом предьявления этой необходимости является язык. Важно, что язык, с точки зрения такого понимания, не содержит в себе закон «предустановленной гармонии», но сама по себе есть особого рода практика, игра, в которой некоторая гармония предьявляется как становящаяся в процессе совместной деятельности и её истории [6].

По мнению Серля, формирование институциональной реальности обеспечивается коллективным признанием обладания вещей, предметов или явлений определенным статусом и их возможности выполнения определенных функций.

На вопрос о том, что обеспечивает длительное существование институциональных фактов, Серль отвечает, что секрет состоит в том, что индивидуумы, непосредственно вовлеченные в этот процесс, и достаточно большое число членов данного сообщества продолжают признавать и принимать существование таких фактов. Так как статус конструируется коллективным принятием и так как функция, чтобы выполняться, требует статуса, существенным моментом функционирования является длительное принятие статуса. Например, если все или большинство членов общества отказываются признавать права собственности при революции или другом перевороте, то права собственности прекращают существовать в этом обществе.

При этом Серль отмечает, что одной из огромных иллюзий нашей эры является выражение, что «Власть вырастает из дула пистолета». На самом деле власть формируется и реализуется из организаций, то есть система систематически организованных статус-функций.

И в таких организациях человек с оружием, вероятно, будет наиболее слабым и будет сильнее всех подвергаться опасности. «Реальная власть будет у того человека, который сидит за столом и делает шумы с помощью его или ее рта и делает отметки на бумаге. Когда институт требует большее количество участников, чем можно привлечь силой, когда согласие необходимо, внешний антураж используется таким способом, чтобы навести на мысль, что происходит нечто большее, чем просто принятие формулы X считать как Y в С. Армии, судьи и в меньшей степени университеты используют церемонии, знаки отличия, формы, почести, разряды и даже музыку, чтобы поддержать длительное принятие структуры. В тюрьме такой аппарат не столь необходим, так как там используется грубая сила. Один из способов создания институциональных фактов, когда института не существует, просто делать, так как будто он существует», – считает Серль [1, с. 24]. При этом индикаторами статуса могут выступать не только слова и языковое выражение, а символика. Военная форма, государственные символы, отличительные знаки в виде полицейского удостоверения – тоже могут быть индикатором статус-функции, обеспечивающей власть.

Статус-функции, обеспечивающие власть и формируемые при помощи языковых средств, можно, при этом, условно разделить на четыре категории: символические, деонтические, почетные и процедурные.

1. Символическая власть обеспечивает представление действительности путем создания смысла с помощью речи или неречевых моделей. В данной категории мы налагаем интенциональность на объекты, которые по своей природе не интенциональны. И процесс этого создает язык и смысл во всех его формах. Наложение интенциональности на некоторого рода физические структуры определяет как формальную структуру – синтаксис, так и значимое содержание – семантику. Символизация необходима для других форм наложения институциональных функций. Тут следует учесть, что мы не можем наложить права, обязательства, и т.д., без слов или символов.

2. Деонтическая власть направлена на регулирование отношений между людьми. Ее функция – создание прав и обязанностей. В данной категории мы налагаем права, обязанности, обязательства, привилегии, полномочия, штрафы, разрешения и другие деонтические феномены. Существуют два вида деонтических статус-функ-

ций. Первый – здесь агент обеспечен некоторой новой возможностью, свидетельством, правом, разрешением или квалификацией, предоставляющей способность делать что-то, что он, или она не могла бы иначе делать; и второй – где агент обязывается, заставляясь или как-то иначе вынуждается делать то, что он или иначе не стал бы делать – или, что относится к этой же категории, ему препятствуют делать что-то, что было бы иначе выполнимо. Грубо говоря, две основных категории – это *положительные* и *отрицательные* возможности. Оба вида деонтических статус-функций являются предметом *конвенциональной власти*. Данная терминология позволит нам отличить конвенциональную власть от грубой физической власти, несмотря на то, что довольно часто эти виды власти идут бок о бок; потому что часто факт предоставления конвенциональной власти должен разрешить использование грубой физической власти.

3. Почетные статус-функции, это так называемые статусы ради статусов. Данные статусы являются ценными сами по себе, нежели в связи со своими последствиями. Данные виды статус-функций требуют идентификации условных или процедурных свойств деонтической власти и полномочий.

4. Категория процедурных статус-функций подразумевает шаги на пути к власти и привилегиям [1, с. 38].

Отметим, что один и тот же институциональный факт может включать все четыре свойства.

Разворачивая тему конвенциональной власти в своей теории, Серль отмечает, что в природе конвенциональной власти есть неявная скрытая особенность: она существует только тогда, когда есть некоторый акт или процесс создания.

Заключение

Разрушение власти можно определить в терминах прежде существующей конвенциональной власти. Чаще всего прежде существующая конвенциональная власть разрушается посредством разрушения принятия.

Итак, в заключение приведем ряд функций, благодаря которым язык необходим для конструирования социальной реальности и благодаря которым можно понять сложный механизм социальной реальности и возможности социальных фактов как таковых. Во-первых, язык эпистемиологически необходим для создания социальной реальности. Во-вторых, социальные факты, обязательным условием которых,

как говорилось выше, является наличие коллективной интенциональности, должны быть передаваемыми. Чтобы система функционировала, созданные факты должны передаваться от одного человека к другому. И эту функцию, строго говоря, выполняет непосредственно язык. Даже в простых случаях институциональных фактов эта передача требует средств общей связи, языка, знаковой системы как таковой. В-третьих, в реальной жизни рассматриваемые явления являются чрезвычайно сложными, и представление такой сложной информации требует языка. Даже наиболее очевидно простое действие товарно-денежного обмена или заключение брака имеет большую сложность. Так как структура факта существует только в зависимости от его представления, сложные факты требуют сложной системы представления для их существования; и такая сложная система представления созданных социальных фактов – язык. В-четвертых, рассматриваемые факты сохраняются независимо от продолжительности убеждений и склонностей участников института. Коллективное соглашение как результат коллективной интенциональности приводит к созданию социальных фактов, в том числе и социальных институтов. Их непрерывное существование, как существование социальной реальности в целом, требует средств представления, независимых от примитивных до лингвистических состояний участников и это представление – лингвистическое.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что социальные институты и социальные факты не могут существовать без языка и власти. Существуют грубые факты, наличие которых совершенно не требует вербальной системы, к примеру, различные природные явления. Однако если мы хотим констатировать эти явления как факты, нам требуется язык. Социальные же факты полностью зависят от языковых форм представления и основываются на статус-функциях, которые обеспечивают определенные формы властных отношений, которые регулируют все социальные процессы и деятельность социальных институтов и объектов.

Социальный мир – мир, созданный людьми, основывается на таких всеобъемлющих феноменах, как язык и власть. Несмотря на всю метафизическую громоздкость и сложность этого мира, каждый социализированный индивидуум так или иначе оказывается в структуре властных и языковых отношений, и сама социализация означает вовлеченность данного индивидуума в социальные процессы. Осваивая язык, человек осваивает представления об этом социальном мире, что вовлекает его в коммуникационные процессы социальной реальности, в среде которых он проживает свою жизнь. В этом социальном мире, где язык несет власть и освобождает от нее, и где власть нуждается в языке и трансформируется путем речевых актов. В социальном мире языка и власти...

Литература

- 1 Searle J. R. The Construction of Social Reality. – New York: Free Press, 1995. – 256 с.
- 2 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – 208 с.
- 3 Searle J. R. What is an Institution? // Journal of Institutional Economics. 2005. – Vol. 1. – No. 1. P. 1–22.
- 4 Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 278 с.
- 5 Searle J. R. Consciousness and Language. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 269 с.
- 6 Сёрль Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

References

1. Searle J. R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. – 256 s.
2. Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – 208 s.
3. Searle J. R. What is an Institution? // Journal of Institutional Economics. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 1-22.
4. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 278 s.
5. Searle J. R. Consciousness and Language. New York: Cambridge University Press, 2002. – 269 s.
6. SyorlDj. Otkrivayasoznaniezanovo. - M.: Ideya-Press, 2002. – 256 s.